

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

**Дело Бурмич и другие против Украины в ЕСПЧ:
12 148 жалоб больше не проблема**

**Дело Прокурор против Нтаганды в МУС:
сможет ли судебский активизм защитить детей-солдат?**

**Двойственный характер Решения Суда ЕАЭС
по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС**

**Судебные иммунитеты иностранных государств
на постарбитражной стадии**

**Иностранные инвесторы против государства:
Давид и Голиаф или Слон и Моська?**

«Войны памяти» в международном правосудии

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№4 (24) • 2017

Учредитель и издатель
Институт права и публичной политики
<http://www.ilpp.ru>

Редакционный совет

А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
(председатель)
Б. БАУРИНГ, профессор
Л. ГАРЛИЦКИЙ, Ph.D. in Law, профессор
Л. МАЛКСОО, Ph.D., профессор
Т. Н. НЕШАТАЕВА, д.ю.н., профессор
А. НУССБЕРГЕР, Dr.jur.habil., профессор
А. Я. КАПУСТИН, д.ю.н., профессор
Р. А. КОЛОДКИН, к.ю.н.
С. М. ПУНЖИН, к.ю.н.
А. УШАЦКА, д.ю.н., профессор
М. Л. ЭНТИН, д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия

Г. И. БОГУШ, к.ю.н., доцент
В. О. НЕШАТАЕВА, к.ю.н.
И. В. РАЧКОВ, LL.M., к.ю.н.
В. В. СТАРЖЕНЕЦКИЙ, к.ю.н.
М. П. ТРУНК-ФЕДОРОВА, LL.M., к.ю.н.
М. А. ОИЛАТОВА, к.ю.н.
О. С. ЧЕРНЫШОВА, LL.M., к.ю.н.

Главный редактор

В. Н. РУСИНОВА, LL.M., д.ю.н.

Выпускающий редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

Ответственный секретарь

М. В. ЛЕЙКЕХМАН

Редактор выпуска (англ.)

Г. НОЙМАН

Корректор

Т. Ю. ЛОБКОВА

Компьютерная вёрстка

В. Б. СИДОРОВИЧ

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Журнал издаётся при финансовой поддержке Совета Европы. Ответственность за содержание журнала несёт исключительно Издатель, и оно ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как отражающее позицию Совета Европы

Финансовая поддержка
предоставлена также

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Свидетельство о регистрации ПИ №Ф077-62149 от 19 июня 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность – 4 номера в год.
ISSN 2226-2059. Цена свободная.

Подписано в печать 26 декабря 2017 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Факс: +7 (495) 608-69-15.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1А

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2017

PRAXIS

RES JUDICATA

РЕШЕНИЕ АРБИТРА В ДЕЛЕ *US – TUNA II (MEXICO)* О ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛАХ ОТВЕТНЫХ МЕР В ПРАВЕ ВТО: ИТОГ СПОРОВ? **3**
Алексей Петренко

«НЕБЕСНАЯ» И «ЗЕМНАЯ» ЖИЗНЬ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОБЗОР РЕШЕНИЯ СУДА ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА ПО ДЕЛУ О СОБЛЮДЕНИИ БЕЛОРУССИЕЙ ДОГОВОРА О ЕАЭС **18**
Владислав Толстых

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ДЕТЕЙ-СОЛДАТ ИХ ВООРУЖЁННОЙ ГРУППОЙ КАК ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ **26**
КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ПАЛАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА ПО ДЕЛУ *ПРОКУРОР ПРОТИВ БОСКО НТАГАНДЫ* ОТ 15 ИЮНЯ 2017 ГОДА
Кристина Русских

EX OFFICIO

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ОТ 15 ИЮНЯ 2017 ГОДА ПО ДЕЛУ *ПРОКУРОР ПРОТИВ БОСКО НТАГАНДЫ (NTAGANDA)* (ДЕЛО № ICC-01/04-02/06) **34**

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ПО ДЕЛУ *БУРМИЧ (BURMUS)* И ДРУГИЕ ПРОТИВ УКРАИНЫ **39**

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ПО ДЕЛУ *МОРЕЙРА ФЕРРЕЙРА (MOREIRA FERREIRA)* ПРОТИВ ПОРТУГАЛИИ (№ 2) **51**

SCRIPTORIUM

JUSTICIA

ЭВОЛЮЦИЯ МЕХАНИЗМОВ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИХ СЛУЖАЩИМИ **55**
Александра Попова

LEX MERCATORIA

РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ АРБИТРАЖЕЙ ПО СУЩЕСТВУ СПОРОВ: ОБЗОР НАИБОЛЕЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛ ЗА 2014–2015 ГОДЫ **67**
Илья Рачков

OPINIO JURIS

СУДЕБНЫЕ ИММУНИТЕТЫ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА СТАДИИ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖЕЙ В РОССИИ **89**
Алексей Вялков

HISTORIA

«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО»: СЛОЖНОСТЬ СУДЕБНОГО ПОЗНАНИЯ **122**
Александр Евсеев

INTERNATIONAL JUSTICE

4 (24) • 2017

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
http://www.ilpp.ru

Scientific Advisory Board

A. KOVLER, Dr. of Sc. in Law, Professor (Chairman)
B. BOWRING, Professor
L. GARLICKI, Ph.D. in Law, Professor
A. KAPUSTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor
R. KOLODKIN, Ph.D. in Law
L. MALKSOO, Ph.D. in Law, Professor
T. NESHATAEVA, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. NUSSBERGER, Dr.jur.habil., Professor
S. PUNZHIN, Ph.D. in Law
A. USHACKA, Dr. of Sc. in Law, Professor
M. ENTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor

Board of Editors

G. BOGUSH, Ph.D. in Law, Associate Professor
O. CHERNISHOVA, LL.M., Ph.D. in Law
M. FILATOVA, Ph.D. in Law
V. NESHATAEVA, Ph.D. in Law
I. RACHKOV, LL.M., Ph.D. in Law
V. STARZHNETSKY, Ph.D. in Law
M. TRUNK-FEDOROVA, LL.M., Ph.D. in Law

Editor-in-Chief

V. RUSINOVA, LL.M., Dr. of Sc. in Law

Managing Editor

O. SIDOROVICH, MBA (in P.S.)

Editorial Secretary

M. LEYKEKHMAN

Associate Editor (Eng.)

G. NEWMAN

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

This document has been produced with the financial assistance of the Council of Europe. The views expressed herein can in no way be taken to reflect the official opinion of the Council of Europe.

Published under the sponsorship of the

ISSN 2226-2059

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
Fax: +7 (495) 608-69-15
E-mail: ilpp-ij@mail.ru
http://www.ilpp.ru/journal/ijj/

© Institute for Law and Public Policy, 2017

PRAXIS

RES JUDICATA

ARBITRATOR'S DECISION IN *US – TUNA II (MEXICO)* TO DETERMINE THE LEVEL OF CONCESSIONS IN WTO LAW: THE FINAL OUTCOME? **3**

Aleksey Petrenko

THE “HEAVENLY” AND “EARTHLY” LIFE OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: A REVIEW OF THE JUDGMENT OF THE COURT IN THE CASE INVOLVING BELARUS’ ADHERENCE TO THE TREATY ON THE EEU **18**

Vladislav Tolstykh

THE SEXUAL EXPLOITATION OF CHILD SOLDIERS BY THEIR ARMED GROUPS AS A WAR CRIME **26**

A COMMENTARY TO THE JUDGMENT OF THE APPEALS CHAMBER OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT IN THE CASE OF *PROSECUTOR V. BOSCO NTAGANDA* FROM 15 JUNE 2017
Kristina Russkikh

EX OFFICIO

INTERNATIONAL CRIMINAL COURT: REVIEW OF JUDGMENT OF APPEALS CHAMBER OF 15 JUNE 2017 IN THE CASE OF *PROSECUTOR V. BOSCO NTAGANDA* (CASE NO. ICC-01/04-02/06) **34**

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: REVIEW OF JUDGMENT (GRAND CHAMBER) IN THE CASE OF *BURMYCH AND OTHERS V. UKRAINE* **39**

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: REVIEW OF JUDGMENT (GRAND CHAMBER) IN THE CASE OF *MOREIRA FERREIRA V. PORTUGAL (NO. 2)* **51**

SCRIPTORIUM

JUSTITIA

EVOLUTION OF MECHANISMS FOR CONSIDERING DISPUTES BETWEEN INTERNATIONAL INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AND THEIR EMPLOYEES **55**

Alexandra Popova

LEX MERCATORIA

AWARDS OF INTERNATIONAL INVESTMENT ARBITRATION TRIBUNALS ON THE MERITS: AN OVERVIEW OF THE MOST REMARKABLE CASES OF 2014–2015 **67**

Iliia Rachkov

OPINIO JURIS

JURISDICTIONAL IMMUNITIES OF FOREIGN STATES AT THE STAGE OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF ARBITRAL AWARDS IN RUSSIA **89**

Alexey Vyalkov

HISTORIA

“DEALING WITH THE PAST”: THE DIFFICULTIES OF FORENSIC TRUTH **122**

Oleksandr Yevsieiev

«Проработка прошлого»: сложность судебного познания

Александр Евсеев*

В статье рассматривается феномен «проработки прошлого» в деятельности международных уголовных трибуналов, в особенности Международного трибунала по бывшей Югославии. Анализируется «политика памяти» как один из элементов транзитивного правосудия, позволяющий осуществить переход к состоянию мира. Выделяются две основные стратегии, которых может придерживаться государство, осуществляя попытку разобраться с собственным прошлым: политика замалчивания и политика под девизом «больше никогда!» Подчёркивается неоднозначность истины, добываемой в ходе судебного познания. Особое внимание уделено трудностям психологического и социокультурного плана, которые возникают у человека или этнической группы при взаимодействии с иной трактовкой событий, нежели та, что принята в их среде. В связи с этим раскрывается специфика «войн памяти» как защитной реакции на иную версию исторических событий. На конкретных примерах иллюстрируется отношение трибунала к событиям Югославской войны 1991–1995 годов. Обозначена неоднозначная роль общественных комиссий по установлению истины, которые на практике могут оказаться менее эффективными, нежели полноценные судебные трибуналы. Рассматриваются возможности применения «политики памяти» на постконфликтных территориях, в частности на примере Боснии и Герцеговины, а также Украины.

→ *Международный трибунал по бывшей Югославии; транзитивное правосудие; Югославская война 1991–1995 годов; «войны памяти»; мемориальная культура; военные преступления*

DOI: 10.21128/2226-2059-2017-4-122-136

Всемирная история есть всемирный суд.
Ф. Шиллер

1. Вводные замечания

«Прошлое прошло: было ли оно удачным или лучше бы его и вовсе не было, признаём ли мы за ним какой-то “смысл” или не признаём — всё это в равной мере лишено значения». Комментируя приведённые слова «мудреца из Монтаньолы» — так называли в последние годы жизни всемирно известного швейцарского писателя Германа Гессе, советский журналист-международник А. Е. Бовин писал: «Прошлое прошло... Тезис, который невозможно опровергнуть. Но, пожалуй, столь же бесспорен и антитезис: прошлое не про-

шло. Оно в нас и вокруг нас. Мы погружены в него своими мыслями и делами. Ибо сегодняшние мысли и сегодняшние дела таковы, какими их сформировал вчерашний и позавчерашний опыт. И смысл прошлого, независимо от того, признаём мы его или нет, имеет значение. Ибо маршруты, которыми мы идём сегодня, начертаны и начаты в том самом прошлом, которое прошло»¹.

Судебная власть, как, быть может, никакая другая, обращена в прошлое. В отличие от законодателя, устанавливающего оптимальную правовую форму для развития социальных отношений в будущем, и исполнительной власти, оперативно разрешающей повседневно возникающие проблемы, судья

* *Евсеев Александр Петрович* — кандидат юридических наук, доцент, научный консультант судьи Конституционного Суда Украины, Киев, Украина (e-mail: uacongress@pisem.net).

¹ *Бовин А. Е.* Мир семидесятых. М.: Известия, 1980. С. 130.

призван дать правовую оценку уже свершившимся фактам, событиям, человеческим поступкам. В сущности, сама юридическая профессия возникла тогда, когда судья перестал быть свидетелем происшествия, в силу чего возникла надобность не в быстрой реакции на увиденное (например, убить вора на месте происшествия), а в восстановлении в голове того, чего не наблюдал лично. А значит, наступило время, когда потребовалось выработать специальные правила установления событий прошлого, не опираясь ни на собственную память (очевидец перестал быть судьёй), ни на всезнание сверхъестественных существ (ордалии и проч.). Так возникло доказательственное право, трактуемое, каким образом сегодня можно установить то, что было вчера².

Международное правосудие в не меньшей степени, нежели правосудие национальное, погружено в прошлое. Неслучайно во многих делах судьи Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ), Международного Суда ООН, международных уголовных судов и трибуналов вынуждены давать не только правовую квалификацию предполагаемых нарушений, но также и правовую оценку фактам, в том числе историческим, представленным сторонами, а иногда и секретариатом суда. Причём в международном правосудии такая оценка существенно затруднена тем, что судьи — выдвинутые государствами с различными культурными и правовыми традициями, имеющие нетождественный профессиональный опыт — вынуждены зачастую оценивать события в тех странах, историю которых они знают весьма поверхностно и в которых им, говоря словами И. Бродского, «никогда не бросать якорей». Балканский историк и эксперт Международного трибунала по бывшей Югославии (*далее* — МТБЮ) Р. Дониа вспоминал, что «когда начались судебные процессы, большинство судей оказались совершенно незнакомы с историей и культурой региона, в котором были совершены предполагаемые преступления»³. Как следствие, международные судьи уже не могут положиться на «непосредственное

чувств культурных преемников»⁴, а вынуждены прислушиваться к мнению многочисленных экспертов, специализирующихся на определённом национально-историческом контексте.

Такое положение вещей имплицитно приводит к тому, что любой международный трибунал, даже самый компетентный и независимый, рано или поздно попадает под огонь критики национальных сообществ и выступающих от их имени элит. Так, МТБЮ обвиняют в западном снобизме и антисербском уклоне, Международный уголовный суд — в акценте преимущественно на африканских делах, ЕСПЧ — в стремлении переложить львиную долю своей работы обратно на национальные суды (на одном семинаре, проводившемся не так давно в Конституционном Суде Украины, было высказано мнение, будто введение в прошлом году института конституционной жалобы было не чем иным, как результатом давления западных «доноров» с целью освободить ЕСПЧ от украинских жалоб) и т. д.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что международные суды платят своим критикам сторицей, вследствие чего конструирование прошлого в их решениях зачастую полностью опровергает официально признанную на национальном уровне версию тех или иных событий. Так, в недавнем решении по делу *Тагаева и другие против России* ЕСПЧ пришёл к выводу, что по крайней мере некоторые из бесланских заложников в школе № 1 погибли не в результате действий чеченских боевиков, как принято считать, а вследствие неумелых действий российских правоохранительных структур (в частности, стрельбе по школе из танка и т. д.)⁵.

Справедливости ради отметим, что критика, раздающаяся в адрес международных судов и судей, не нова. Х. Арендт описывает, как на процессе в Иерусалиме в 1961 году А. Эйхман, оберштурмбанфюрер СС, ответственный за «окончательное решение еврейского вопроса», заявил судьям, что они вообще не имеют права его судить: не имеет

² Пашин С. А. Судебная реформа и суд присяжных. М.: РПА МЮ РФ, 1995. С. 37, 38.

³ Цит. по: Wilson R. A. Judging History: the Historical Record of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Human Rights Quarterly. Vol. 27. 2005. No. 3. P. 908–942, 926.

⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб., 2011. С. 332.

⁵ European Court of Human Rights. *Tagayeva and Others v. Russia*. Application no. 26562/07 and 6 other applications. Judgment of 18 September 2017. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172660> (дата обращения: 14.10.2017).

права рассуждать тот, кто там не был. Когда же Эйхману сказали, что у него был выбор и что он мог избежать исполнения преступных поручений, он ответил, что это не более чем иллюзия, возникшая после войны у тех, кто никогда не знал или успел забыть, как всё было на самом деле⁶.

Видимо, именно на судебных процессах против нацистских преступников человечество впервые задумалось об истории не только как о некоем мериле действий обвиняемых, но и о том, что сами эти процессы со временем станут её достоянием. Переводчик американской фазы обвинения в период Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов Р. Зонненфельдт вспоминал, как его потрясло то обстоятельство, что главный обвинитель от США Р. Джексон начал свою вступительную речь с исторической важности самого процесса, а потом уже сказал о его правовом значении⁷.

Примечательно, что спустя десятилетия в той же Германии исторический дискурс сместился с «народа-преступника» на «народ-жертву». Чаще всего обыгрывались три основных сюжета: бомбардировки немецких городов авиацией союзников, изнасилования немецких женщин и принудительная депортация немцев из Восточной Европы. При этом немецкими историками использовался тот же семантический ряд, что традиционно используется при описании ужасов холокоста. Так, Й. Фридрих, повествуя в своей книге об «огненном смерче» в немецких городах, именовал эскадрильи бомбардировщиков «айнзац-группами», горящие бомбоубежища — «газовыми камерами», а погибших в результате бомбардировок немцев — «истреблёнными». Тем самым речь уже идёт о своеобразной конкуренции между различными версиями прошлого, о так называемых «войнах памяти»⁸.

В самом деле, как метко заметил А. Чарнота, «в современном мире для управления будущим необходимо обладать контролем не только над настоящим, но и над прошлым»⁹.

Прошлое постоянно переписывается, меняет акценты, дополняется, а иногда и откровенно фальсифицируется, становясь в итоге непознаваемым. Характерный в этом отношении пример приводит С. Коэн. Согласно его свидетельству, пребывающие в запустении деревенские кладбища в Литве и Латвии прошли уже три стадии переименования. До распада коммунистической системы написанная от руки табличка указывала, что в безымянных могилах покоятся «жертвы фашизма», а о том, что практически все они были местными евреями, не упоминалось вовсе. В первую волну воскрешения памяти, пришедшую на конец 1980-х годов, прежнее обозначение сменилось новым — «еврейские жертвы». Последующий рост национализма отдал семиотический приоритет «литовским жертвам» — мужественным борцам с нацизмом и сталинизмом¹⁰.

Но особенно радикально историческая память, а вслед за ней и «юридическая совесть» эволюционируют при смене поколений. В 1997 году Францию потряс судебный процесс по делу Папона. Сам М. Папон — французский коллаборационист, соратник руководителя лионского гестапо К. Барбье, был палачом легендарного Жана Мулена, одного из лидеров Движения Сопротивления. Однако к моменту ареста Папон был уже глубоким стариком. Его адвокаты настояли, чтобы Папона судили не профессиональные судьи, а суд присяжных — ассизов. Скамья присяжных в результате отводов была сформирована таким образом, что в ней доминировали молодые люди или, во всяком случае, люди, родившиеся после окончания Второй мировой войны. Как следствие, государственному обвинителю пришлось затратить немалые усилия на то, чтобы разъяснить присяжным заседателям, чем знаменит Мулен, кто такой Барбье, что происходило во Франции в период «Республики Виши» и многие другие факты более чем 50-летней давности¹¹. А теперь зададимся вопросом: ес-

⁶ Арндт Х. Ответственность и суждение. М. : Изд. Института Гайдара, 2014. С. 48, 49.

⁷ Зонненфельдт Р. Очевидец Нюрнберга. М. : Центрполиграф, 2013. С. 65.

⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 203.

⁹ Чарнота А. Право, память и забвение: регулирование коллективной памяти квазисудебными институтами // Общество

и право: исследовательские перспективы : сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб. : ЦНСИ, 2015. С. 187–211, 187.

¹⁰ Коэн С. Войны памяти и комиссии по примирению. URL: <http://www.index.org.ru/journal/14/koen1401.html> (дата обращения: 14.10.2017).

¹¹ Подробнее см.: Roussio H. Justice, History and Memory in France: Reflections on the Papon Trial // Politics and the Past / ed. by J. Torpey. London : Rowman & Littlefield Publ. Inc., 2003. P. 277–293.

ли бы осуждение Папона происходило сразу после окончания войны, испытывало бы государственное обвинение столь ощутимые затруднения? Очевидно, что нет. Ведь как указывает А. Ассман, глубокий знаток данной проблематики, при жизни непосредственных участников событий «внешние темпоральные конструкции и психодинамические ритмы ещё находятся по отношению друг к другу в неустойчивом взаимодействии. Абстрактная логика дат и годовщин ещё корреспондирует для очевидцев и пострадавших с динамикой внутренних потрясений»¹².

Любопытно, что выступавший на том же процессе в качестве эксперта американский историк Р. Пэкстон заявил буквально следующее: «Историк не свидетель. Историк не судья. Но у него очень важная роль в процессе. Она состоит не в том, чтобы сообщить, что он видел, но в том, чтобы предоставить контекст, базирующийся по возможности на документах, в свете которого некоторые заявления сторон оказываются невозможными, зато некоторые объяснения становятся яснее»¹³.

Неслучайно поэтому в праве, в том числе международном уголовном, выработаны правила взаимодействия правосудия с прошлым, среди которых принцип *lex retro non agit* (закон не может иметь обратную силу), из которого, впрочем, постоянно делаются исключения, принцип индивидуальной ответственности (в противном случае, как не без иронии заметила Х. Арендт, «там, где виноваты все, не виноват никто»¹⁴), концепция сроков давности, но истечения которых человека нельзя привлекать к ответственности, и ряд других. Огромное значение имеет также субъективная воля тех лиц, которые призваны осуществлять уголовное преследование за военные преступления. Так, по сведениям А. И. Ковлера, если в 1948 и 1949 годах суды Западной Германии осудили соответственно 1819 и 1523 нацистских преступника, то в 1955 году, то есть по прошествии 10 лет после окончания войны, таких приговоров было только 21. По мнению ряда исследователей, причиной этого являлись не только истечение срока давности и законы об амнистии для преступлений меньшей тяжести, но в основном

«пассивное отношение прокуроров к нацистским преступлениям»¹⁵. С другой стороны, нельзя не упомянуть легендарного прокурора земли Гессен Ф. Бауэра, который, стремясь пролить свет на преступления Третьего рейха и призвать к ответственности лиц, совершавших преступления, добился решения Верховного федерального суда ФРГ в Карлсруэ, согласно которому все дела, имеющие отношение к концентрационному лагерю Освенцим, отныне подлежали юрисдикции земельного суда во Франкфурте-на-Майне. Таким образом, Бауэр подготовил один из основных процессов над нацистскими преступниками в истории послевоенной ФРГ — Франкфуртский процесс 1963—1965 годов¹⁶.

Многие страны не чужаются и обратного процесса — переписывания прошлого с помощью правовых норм и судебных решений. Таким образом, по словам А. Чарноты, «вместо того, чтобы принять доминирующий исторический нарратив как данность, право, скорее, стремится его реконструировать или воссоздать. Для реализации своей роли регулятора настоящего и будущего право меняет прошлое, тем самым включая прошлое (не только настоящее и будущее) в сферу своего действия»¹⁷. В связи с этим уместно упомянуть украинские законы о голодоморе 1932—1933 годов, осуждению коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики, отчасти закон об очищении власти и т. д.

Однако возникает вопрос: как в этой ситуации действовать правосудию? Как должен поступить Конституционный Суд Украины, в котором не так давно был обжалован закон «Об осуждении памяти»: полностью отрешиться от исторической обоснованности обжалуемых норм, придя тем самым к выводу об их неконституционности в силу закреплённого принципа идеологического плюрализма, или всё же попытаться ответить на вопрос, каким негативным историческим опытом руководствовался законодатель при при-

¹⁵ Ковлер А. И. После «Кононова» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9. С. 6—12, 11.

¹⁶ Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011. № 3. С. 17—37, 27.

¹⁷ Чарнота А. Указ. соч. С. 188.

¹² Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 251.

¹³ Там же. С. 277.

¹⁴ Арендт Х. Указ. соч. С. 59.

нятии соответствующего акта, обратившись к концепции «воинствующей демократии»? И как в таком случае органу конституционной юрисдикции избежать неких оценочных суждений, в отношении которых у украинского народа никогда не будет полного консенсуса?

Нечто похожее происходило в Конституционном Суде России в 1992 году на процессе по делу КПСС, призванном стать «вторым Нюрнбергом». В своём особом мнении судья А.Л. Кононов, отвергая стремление Суда ограничиться лишь последними двумя годами в деятельности компартии, подчёркивал, что «Конституционный Суд был обязан исследовать и оценить с точки зрения конституционности все решения и деяния КПСС. Хотя и совершённые в прошлом, за пределами действия настоящей Конституции Российской Федерации, к моменту пресечения деятельности КПСС Указом Президента от 6 ноября 1991 года конституционные нарушения продолжали сохранять актуальный характер, последствия их не были устранены, они не подвергались судебной оценке и, следовательно, не повлекли для субъекта какой-либо юридической ответственности»¹⁸.

Как видим, в современных условиях судебное решение становится уже не политически нейтральным и формализованным актом государственной власти, а в него вводится также определённая интерпретация исторических событий, фактов, эпизодов, которые как бы становятся его интегральной частью. Как писала Р. Уитц, «аргументы от истории предполагают, что решение базируется на прочной, хорошо утвердившейся за долгое время основе. Иными словами, решения, основывающиеся на исторических отсылках, как бы защищают сложившийся статус-кво; они создают впечатление стабильности и преемственности»¹⁹. Однако сказанное справедливо лишь для относительно консолидированных обществ наподобие британского. В условиях же «разделённых обществ», подобно украинскому или постюгославскому, такие исторические ретроспекции никогда не будут полностью легитимными, ибо военные пре-

ступники для одной части общества всегда будут казаться героями в глазах другой.

2. «Преодоление прошлого» – интегральная часть транзитивного правосудия

Не секрет, что в последние годы на Западе широкое распространение получила концепция «транзитивного правосудия» (правосудия переходного периода). Она означает комплексную стратегию институциональных трансформаций судебной функции государства, осуществляемых при переходе (транзите) от недемократического и/или отягощённого войной правления к правлению демократическому и/или состоянию мира. В частности, как подчёркивается в Обновлённом своде принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью, разработанном Комиссией ООН по правам человека, речь идёт о «ситуациях, откровенных, в рамках продвижения страны к демократии или мирным переговорам в целях прекращения вооружённого конфликта, путь к достижению, независимо от его формы, соглашения, на основании которого действующие субъекты или соответствующие стороны договариваются принять меры для борьбы с безнаказанностью и недопущения повторения нарушений прав человека»²⁰.

В то же время приходится констатировать, что, несмотря на солидные концептуальные и эмпирические наработки относительно транзитивного правосудия (достаточно назвать имена Р. и Э. Познеров, Н. Критца, Э. Соттаса, Р. Тейтел, О. Симич), некоторые авторы всё же не отводят значительной роли в демократических преобразованиях таким факторам, как историческое прошлое страны, этнический состав населения, социокультурные традиции. А некоторые из трактовок отрицают и значимость экономического фактора. Видимо, считается, что само движение в сторону демократии обладает мощным потенциалом, способным нейтрализовать национальные особенности или уменьшить их значение.

Концепция транзитивного правосудия вообще носит несколько идеалистический ха-

¹⁸ Кононов А.Л. Особое мнение судьи Кононова. Особые мнения судьи Конституционного суда Российской Федерации 1992–2009 годов. М.: Кучково поле, 2017. С. 23.

¹⁹ Уитц Р. Об отсутствии определённости в толковании конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1. С. 27.

²⁰ Цит. по: Бобринский Н.А. Правовые основы правосудия переходного периода в документах ООН // Библиотека криминалиста. 2014. № 5. С. 320–328, 325.

рактически оперируя такими весьма далёкими от институционального строительства категориями, как «добро», «зло», «примирение» и подобные. Если выразить основную идею этой концепции предельно обще, то для того, чтобы закончить переходный период, необходимо проклясть прошлое, объявить его «зоной зла» (*zone du mal*) и начать выстраивать судебную систему с нуля, импортируя при этом уже готовые рецепты, выработанные западной, преимущественно англо-американской, политико-правовой мыслью. Между тем достаточно лишь представить себе судебную систему, которая никогда не допускала каких-либо ошибок в прошлом и не допускает их в настоящее время, дабы убедиться, что ни одна правовая или судебная система не соответствует и не может соответствовать подобному роду идеальной конструкции. Это, в свою очередь, приводит нас к несколько парадоксальному выводу о том, что либо все судебные системы нуждаются в скорейшем транзите, либо политика «преодоления прошлого» носит несколько субъективный, вкусовой характер и варьируется в зависимости от текущей политической конъюнктуры²¹. Как метко подметил И. Пржибань, «взаимодействие с прошлым — это форма взаимодействия и с настоящим, которое преподносится существующими в новых обстоятельствах акторами с их собственными интересами»²².

Как бы там ни было, к составным элементам транзитивного правосудия традиционно относят: 1) уголовное судопроизводство, причём как на внутригосударственном, так и на международном уровнях, позволяющее в специальных процедурах привлечь к ответственности лиц, совершивших тяжчайшие преступления; 2) право на истину, то есть особую деятельность органов государственной власти и неправительственных организаций, направленную на установление фактов военных преступлений, геноцида, массовых изнасилований и проч.; 3) репарации — компенсации, выплачиваемые мирным гражданам, пострадавшим в ходе боевых действий, или их на-

следникам, а также ряд мер, направленных на дальнейшую ресоциализацию лиц, участвовавших в конфликте; и наконец, 4) институциональные реформы, иначе говоря, такие изменения в государственном механизме, которые делают необратимым процесс его демократизации и знаменуют собой «точку невозврата» к тоталитарному или правонарушающему прошлому²³.

Как уже отмечалось, одним из важнейших элементов транзитивного правосудия является «право на истину», которое в силу своей природы неотделимо от установления фактов травмирующего прошлого. Считается, что для того, чтобы успешно пройти переходный период и устремиться к другой, более счастливой жизни, необходимо узнать всю правду об имевших место актах геноцида, военных преступлениях и других злодеяниях. Однако этот тезис, один из краеугольных в доктрине транзитивного правосудия, тоже подвергается критике. Писатель, историк и бывший узник Освенцима и Бухенвальда И. Иваница подчёркивал, что полностью рассказать о холокосте никогда не удастся. Он обосновывал свою мысль формулой, которую произносит свидетель в англосаксонском суде, обязуясь говорить «правду, всю правду и ничего кроме правды»: «Вся правда о концентрационных лагерях и всех убийствах, массовых казнях, допросах и пытках, совершавшихся людьми в немецкой форме, есть нечто гораздо большее, нежели сумма всех воспоминаний не только тех, кто подвергся казням, пыткам, депортациям или угрозам, но, разумеется, и их охранников, а также чиновников, организовавших репрессии, железнодорожников, осуществлявших перевозки в концлагерь, очевидцев и тех, кто предпочитал делать вид, будто ничего не замечает, словом, опыт целого поколения. Не будем себя обманывать: вся правда для нас так же недостижима, как если бы её вовсе не было, а через пятьдесят или сто лет эта проблема станет ещё острее»²⁴.

С приведённым высказыванием сложно поспорить. Однако необходимо учитывать, что международное правосудие всё же позволяет воссоздать наиболее типичную модель

²¹ Подробнее о дискуссионности термина «транзитивное правосудие» см.: *Golovko L. L'évolution de la justice en Russie: routine des réformes ou transition éternelle? // Revue Est Europa, numéro spécial. 2014. N° 1. P. 123–136, 128, 129.*

²² *Пржибань И. Многообразие моделей перехода от авторитаризма к демократии // Общество и право: исследовательские перспективы / ред.-сост. А. Кондаков. С. 165–186, 181.*

²³ См.: Раздаточный материал для сессий тренинга «Механизмы правосудия переходного периода и права человека в конфликтных и постконфликтных ситуациях» / сост. Н. Ченгич. Сараево: Академия мира, 2015.

²⁴ Цит. по: *Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 259.*

совершённых преступлений, некий общий *modus operandi*. Так, применительно к руандийскому геноциду 1994 года он состоял в том, что обычно вооружённые силы начинали обстрелы из стрелкового оружия и миномётов, вынуждая людей искать убежища в церквях, больницах и т.д. Затем «ополченцы» входили в здания и добивали людей при помощи мачете и другого холодного оружия²⁵. Тем самым по мере продвижения от дела к делу и увеличения числа приговоров составляется общая картина случившегося.

К слову, деятельность Международного уголовного трибунала по Руанде породила интересный феномен, именуемый «политической одной памяти». По мнению многих историков, когда трибунал даёт упрощённую картину происшедшего («хорошие» тутси и «плохие» хуту, уничтожавшие тутси и сочувствовавших им хуту) и отказывается оценивать деятельность Руандийского патриотического союза, возглавляемого лидером тутси П. Кагаме, то это закономерно приводит к тому, что практика трибунала используется для закрепления только одной версии событий²⁶.

Не впадая вслед за И. Иваньи в чрезмерный скептицизм, отметим, что государство, находящееся на переходном этапе своего развития, а значит, и его судебные органы, может придерживаться двух основных стратегий по отношению к своему прошлому: политика замалчивания и политика под девизом «больше никогда!»

Политика замалчивания. Сторонники такого подхода полагают, что после окончания войны, революции, смерти диктатора и т.п. общество должно сосредоточиться не на сведении старых счётов, а на дальнейшем продвижении вперёд. Поэтому по отношению к наследию прошлого используется принцип *silencio* (молчание). В частности, сторонниками такой политики были испанский премьер А. Суарес, пришедший к власти после смерти генералиссимуса Франко, сербский президент В. Коштуница, получивший полномочия вследствие «Бульдозерной революции» 5 октября 2000 года, и некоторые дру-

гие политики. Сторонником такого же подхода, насколько можно судить, был немецкий канцлер К. Аденауэр, полагавший, что «значение должно придаваться не тому, что человек делал во времена национал-социализма и как он к этому прошлому относится, а лишь тому, что он в состоянии и готов дать новому строю и за что он ответственен в своей нынешней профессиональной и общественной деятельности»²⁷.

При таком подходе замалчиваются те темы, которые могут расколоть нацию, демонстрируется отказ от проведения люстрации, происходит «ползучая» интеграция старых работников аппарата власти в новые демократические структуры (что, впрочем, не лишает возможности точечного избавления от наиболее одиозных лидеров предыдущего режима и даже передачи их международному правосудию, как это произошло с президентом Сербии С. Милошевичем). Заметим попутно, что такое отношение к прошлому не было сугубо испанским или сербским изобретением. Как указывает А. Ассман, после поражения от немецко-прусской армии в войне 1870–1871 годов мемориальная заповедь французов гласила: «Никогда не говорить, но всегда думать об этом!»²⁸. Ещё раньше, во времена древних греков, существовало слово «*mnesikakein*», означающее запрет публично упоминать зло и страдания, причинённые одной стороной другой стороне. Тем самым закон предотвращал самовиктимизацию и культивирование собственного жертвенного статуса, которые порождают жажду мести и способны спровоцировать новый виток в спирали насилия.

Несомненно, в такой стратегии есть своё рациональное зерно. В самом деле, «если память способствует разжиганию ненависти и возбуждает жажду мести, то забвение может умиротворить конфликтующие стороны и иницировать жизненно важную фазу реинтеграции»²⁹. Иными словами, забвение, особенно сопровождаемое широкой амнистией, в определённой степени способствует быстрой политической и социальной интеграции общества, нейтрализует конфликтный потенциал враждующих сторон.

²⁵ Мёзе Э. Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного уголовного трибунала по Руанде // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 54–61, 58.

²⁶ Коротеев К. Европейский Суд по правам человека и историческая память. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52682> (дата обращения: 14.10.2017).

²⁷ Кениг Х. Будущее прошлого. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21.

²⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 269.

²⁹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 196.

Вторую стратегию условно можно назвать «never again!» («больше никогда!»). Она и используется в транзитивном правосудии чаще всего³⁰. Её сторонники исходят из фрейдистского по сути тезиса о том, что вытесненные в бессознательное и, таким образом, скрытые от взора разума психологические травмы и проблемы — синдромы, которые не получают разрешения, — проявляются позднее в замаскированной форме невротических симптомов, значительно осложняющих жизнь людей. Следовательно, вытесненные и потому «непроговорённые» проблемы должны быть выведены на сознательный уровень (постулат З. Фрейда «опишите чувства в словах»). В противном случае общество, не разобравшееся со своим прошлым, снова и снова будет попадать под действие однажды полученной и не до конца изжитой травмы, что лишний раз доказывает наметившаяся сегодня в России тенденция реабилитации сталинизма. По этой причине, дабы обеспечить надёжный переход к демократии и/или состоянию мира, необходимо установить истинную правду об имевших место в прошлом случаях беззакония и попытаться восстановить справедливость. При этом следует оговориться, что «политика памяти» существует в транзитивном правосудии не сама по себе, а выступает в качестве необходимой предпосылки для других, сугубо юридических по своей природе мер (в частности, реституции, выплаты компенсаций, реабилитации невинно осуждённых и т. д.). Все эти элементы в полной мере были востребованы на Балканах, ставших, по выражению Э. Горди, своего рода «лабораторией транзитивного правосудия»³¹.

3. Роль МТБЮ в процессе «преодоления прошлого»

Всплеск интереса к истории, расколовший югославское общество, пришёл на конец 80-х — начало 90-х годов прошлого столетия. Именно тогда в Белграде, Загребе, Любляне, Сараево всё чаще стали появляться взаим-

ные нападки и открытая полемика историков, писателей, политологов, журналистов, анализировавших различные этапы развития югославской государственности (Османскую и Австро-Венгерскую империи, «Югославию Тито» и т. д.). Фактически историки оказались вовлечёнными в политические спекуляции на почве истории. В такой ситуации история из науки превратилась в пропаганду, возвращаясь, только на ином идейном фундаменте, к тому, от чего, казалось бы, хотели уйти интеллектуалы, разрушая коммунистическое государство³².

Вначале в идейных, а затем в самых что ни на есть реальных боях конфликтующие стороны (сербы, хорваты и боснийцы) называли друг друга оскорбительными терминами, почерпнутыми из арсенала прошлого. Так, сербы именовали воинов противостоящей им хорватской армии «усташиами», намекая тем самым на сотрудничество хорватов с гитлеровцами в годы Второй мировой войны. Хорваты, в свою очередь, называли сербов «четниками», имея в виду возникшее примерно в то же время крайне националистическое движение, возглавляемое Д. Михайловичем и также сотрудничавшее с нацистами. Подобного рода апелляция к прошлому, как и сегодня в Украине, преследовала единственную цель — внушить людям, гражданам некогда единой Югославии, ту мысль, что они воюют не со своими соотечественниками, а с некими фашистскими коллаборационистами, заслуживающими единственной участи — уничтожения. Именно этим, статьи говоря, объясняется и по сию пору популярный в Сербии тезис о том, что Вторая мировая война ещё не закончилась³³. Как следствие, «исторический путь каждого народа стал отправной точкой действий для соперничающих национальных элит, а также источником оправданий дискриминации, террористической агрессии и войны»³⁴.

В целом, исторический дискурс эпохи Югославской войны 1991—1995 годов характеризовался следующими чертами: а) за-

³⁰ An Introduction to Transitional Justice / ed. by O. Simić. London : Routledge, 2017. P. 250.

³¹ Dragović-Soso J., Gordy E. Coming to Terms with the Past: Transitional justice and Reconciliation in the Post-Yugoslav Lands // New Perspectives on Yugoslavia: Key Issues and Controversies / ed. by D. Djokić, J. Ker-Lindsay. London : Routledge, 2011. P. 193–212, 193.

³² Подробнее см.: Мостов Ж. Использование истории и злоупотребление ею в Восточной Европе: вызов 90-х годов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 4 / 1996. № 1. С. 70–74.

³³ Подробнее см.: Романенко С. А. История и историки в межэтнических конфликтах (Югославия конца 80-х — начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 54–62.

³⁴ Мостов Ж. Указ. соч. С. 70.

малчиванием объективной и всесторонней информации об истории своего и других народов, выхватыванием некоторых «удобных» событий и тенденциозной их трактовкой; б) подменой анализа эмоциями; в) опорой на этнические стереотипы и исторические мифы, а также на схемы прошлого как доказанные факты; г) некорректным использованием исторических аналогий, применением прямых параллелей между ситуациями в прошлом и настоящем и игнорированием существенных различий между ними и др.³⁵

Последствия такой «политики памяти» не заставили себя долго ждать. Так, одним из обвиняемых, представших перед МТБЮ, был некий Г. Елисич, называвший себя «сербским Адольфом». В 1992 году он был комендантом концентрационного лагеря в округе Брчко (территория нынешней Боснии и Герцеговины). В ходе процесса Елисич прямо заявил, что пошёл на войну, дабы убивать мусульман, которых он называл «турками». По разным оценкам, он лично застрелил около 100 боснийцев. Не брезговал Елисич и унижением человеческого достоинства пленных, заставля последних петь старинные сербские песни перед сербским флагом, жестоко избивая при этом тех, кто отказывался это делать³⁶.

Как и следовало ожидать, после падения режима С. Милошевича данный дискурс сменился на диаметрально противоположный, во многом скроенный по привычным западным лекалам. Достаточно назвать осуждение коммунистического режима Тито на официальном уровне, переименование множества улиц, носивших имена лидеров социалистической Югославии, строительство многочисленных монументов жертвам Югославской войны 1991–1995 годов, наиболее известным из которых является мемориальный комплекс «Сребреница-Поточары», часть средств на создание которого выделил 42-й президент США Б. Клинтон.

Примечательно, что в постюгославском обществе преобладает двойственное и одновременно апатичное отношение к относительно далёкому прошлому: так, коммунизм, с одной стороны, воспринимается как нечто навязанное извне и «чуждое» системе цен-

ностей нации, но с другой — подчёркивается, что коммунистический режим способствовал модернизации и, вполне вероятно, был лучшим временем в истории югославского народа (феномен «югостальгии») ³⁷. Как следствие, социалистическое прошлое играет сегодня относительно второстепенную роль в публичном дискурсе (в отличие, скажем, от стран Балтии, по-прежнему видящими себя «пассивными и травмированными жертвами репрессивного оккупационного режима» ³⁸).

А вот что касается Югославской войны 1991–1995 годов и событий в Косово и Метохии на протяжении 1998–2001 годов, то здесь ни о каком «примирении с прошлым» говорить не приходится. Как отмечает А. Н. Антонов, с сербской стороны конфликтуют и Босния, и Хорватия, и правительство «Республики Косово». Хотя у них есть достаточные основания и для конфликтов между собой, почему-то наиболее жёсткие и неразрешимые двусторонние вопросы связаны с Сербией. Справедливости ради отметим, что в настоящее время осуществляются попытки создания некоей координационной структуры посредством сотрудничающих через границы негосударственных организаций (РЕКОМ), так или иначе занимающихся вопросами послевоенного примирения. Однако вряд ли их деятельность можно назвать успешной, так как реального, а не на бумаге примирения на Балканах до сих пор нет. Примером могут послужить осквернения сербских кладбищ в январе 2013 года в Косово в ответ на акцию правительства Сербии по уничтожению памятника павшим бойцам албанской сепаратистской группировки «Армия освобождения Прешева, Буяновца и Медведжи», нелегально возведённого на юге Сербии ³⁹. Или же недавний скандал, произошедший во время празднования хорватами 25-й годовщины обороны Дубровника, когда в продуктовые наборы, выдаваемые детям участников обо-

³⁷ *Требст С.* «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. М. : Новое издательство, 2011. С. 142–180, 149.

³⁸ *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. С. 117.

³⁹ Подробнее см.: *Антонов А.* Решение Трибунала по бывшей Югославии в деле *Готовина/Маркач* как отражение отдельных тенденций развития международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2013. № 4(8). С. 121–127.

³⁵ *Романенко С. А.* Указ. соч. С. 60.

³⁶ *Wilson R. A.* Writing history in international criminal trials. New York : Cambridge University Press, 2011. P. 91.

роны, местные власти положили шоколадные конфеты всемирно известной сербской фабрики «Пионер». Ветераны войны посчитали это тонкой издёвкой над ними, и хорватские власти, дабы утихомирить разбушевавшиеся страсти, чуть было не ввели эмбарго на сербские продукты питания⁴⁰.

Знаменательно, что пока недостижимое на межгосударственном и межэтническом уровнях примирение оказывается вполне возможным на уровне межличностном. Когда в следственном изоляторе МТБЮ, расположенном в пригороде Гааги Схевенингене, скончался один из обвиняемых серб С. Докманович, все 27 обитателей тюрьмы независимо от своей национальной принадлежности попросили адвоката покойного направить его семье телеграмму соболезнования со словами: «Нашему Славко от всех заключённых Гааги»⁴¹.

Думается, к сегодняшней ситуации на Балканах вполне применимо мудрое наблюдение не раз цитированной нами немецкой исследовательницы А. Ассман, которая разделяет понятия «сохранение прошлого» и «преодоление прошлого»⁴². С её точки зрения, поколению, непосредственно вовлечённому в травмирующие события (войны, геноцид, техногенные катастрофы), бессмысленно пытаться преодолеть их в собственном сознании или пытаться простить их виновников. Их главная задача — сохранить как можно больше свидетельств случившегося для будущих поколений, не более того (исходя из принципа «объяснять, а не разрушать»). А вот их последователям уже предстоит преодолеть прошлое: избежать по возможности упрощенчества и навязчивого «осовременивания» истории, им следует расставить акценты и дать соответствующие правовые и моральные оценки произошедшему с их родителями. Поэтому постюгославское общество, образно говоря, ещё не доросло (в прямом смысле этого слова) до «преодоления прошлого».

В связи с этим показательно, что, когда в мае 2001 года уже в демократической Сербии

проводилось первое серьёзное социологическое исследование, посвящённое возможности примирения, только 20 % респондентов в возрасте от 18 до 29 лет и 35 % респондентов старше 60 лет отвергли возможность компромисса с представителями других этнических групп, населяющих территорию бывшей Югославии. Основную же массу противников «преодоления прошлого» (85,5 %) составляли как раз люди, находящиеся в возрастной страте от 30 до 60 лет, на долю которых, собственно говоря, и выпала основная масса военных тягот, а также в ряде случаев непосредственное участие в боевых действиях⁴³.

Как бы там ни было, первые шаги в рамках «политики памяти» всё-таки делаются. Ещё во время войны 1991—1995 годов раздавались голоса сербских интеллектуалов с призывом прекратить братоубийственную бойню в Хорватии, а затем в Боснии. Со временем эти голоса становились всё громче. Особо хотелось бы отметить общественную кампанию «Другая Сербия», проведённую Белградским кружком независимых интеллектуалов, усилия Белградского центра прав человека и Фонда гуманитарного права, направленные на документирование военных преступлений, и, наконец, первую международную конференцию «Истина, ответственность, примирение», проведённую весной 2000 года. Кроме того, не будем забывать, что практически всю войну оппозиционная режиму Милошевича радиостанция «В-92» проводила диспуты и «круглые столы», посвящённые коллективной ответственности сербского народа за совершённые злодеяния, сама постановка вопроса о которых могла кончиться для журналистов крайне плачевно⁴⁴.

Зато деятельность МТБЮ по восстановлению исторической правды вызывает самые неоднозначные оценки. Прежде всего отметим, что из 161 осуждённого МТБЮ 94 серба (почти 60 %) и лишь 29 хорватов, 9 боснийских мусульман, 9 косовских албанцев, 2 македонца и 2 черногорца. Более того, из высшего политического руководства обвинения предъявлялись только сербам — как руководству Союзной Республики Югославия (например, С. Милошевичу и М. Милутиновичу),

⁴⁰ Ищенко Н. Шоколад раздора. URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/12/19/7059079/> (дата обращения: 14.10.2017).

⁴¹ Bachmann K., Sparrow Botero Th., Lambert P. When Justice Meets Politics: Independence and Autonomy of Ad Hoc International Criminal Tribunals. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013. P.341.

⁴² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 121.

⁴³ Gordy E. Guilt, Responsibility, and Denial: The Past at Stake in Post-Milošević Serbia. Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2013. P.24.

⁴⁴ Ibid. P.21.

так и высшим должностным лицам сербских анклавов в Хорватии (Г.Хаджич, М.Бабич) и Боснии (Р.Караджич, Р.Младич, Б.Плавшич, М.Краишник и др.). В то же время ни лидер боснийских мусульман А.Изетбегович, ни президент Хорватии Ф.Туджман, ни предводитель косовских албанцев И.Ругова перед судом так и не предстали.

Между тем при самом большом количестве обвиняемых в отношении сербов вынесены только 4 из 19 оправдательных приговоров (последний — идеологу сербского национализма В.Шешелю — был оглашён в марте 2016 года), при этом исключительно сербам выносились приговоры о пожизненном заключении, самое большое количество смертей в заключении, включая смерть С.Милошевича, также приходится на их долю⁴⁵. Всё это приводит к формированию в сербском обществе представления о том, что эпизодическое привлечение к ответственности хорватов и босняков проводилось не столько с целью наказания преступников, сколько для иллюстрации тезиса о том, что МТБЮ судит не только сербов.

Данное представление ещё больше укрепились в общественном сознании после решения по делу *Готовина/Маркача*. Хорватский генерал А.Готовина, без преувеличения могильщик Сербской Краины — крошечной автономии сербов, существовавшей в составе Хорватии в 1991—1995 годы, тремя головами против двух приговорённый к 24 годам тюремного заключения за преступления против человечества и нарушение правил и обычаев войны, в конечном итоге был оправдан Апелляционной палатой трибунала в 2012 году. Как указывает А.Н.Антонов, на Апелляционную палату не произвели никакого впечатления ни факты неизбирательного обстрела столицы Сербской Краины Книна, в ходе которого по городу, не оказывающему никакого военного сопротивления, было выпущено более 900 снарядов в течение менее двух дней (притом что артиллерия «хорватского войска» не имела ни позиций с прямой видимостью на город, ни нормальной корректировки огня); ни множество свидетельств о других

преступлениях в нарушение правил, установленных международным гуманитарным правом, совершённых хорватскими силами; ни речи президента Туджмана, откровенно разжигавшие межнациональную рознь; ни дискриминационные меры, направленные на недопущение возвращения сербов (около 200 тысяч) в Хорватию по окончании конфликта. Неслучайно в своём особом мнении судья МТБЮ из Италии Ф.Покар охарактеризовал решение большинства как «противоречащее самому смыслу правосудия»⁴⁶. В том же ряду находится оправдание трибуналом бывшего премьер-министра Косово Р.Харадиная и «боснийского мясника» Н.Орича.

В завершение темы отметим, что слово «примирение» встречается в 24 решениях МТБЮ, в 20 из которых обвиняемый был признан виновным. Причём только в 4 решениях судьи упомянули примирение без предшествовавшей вынесению решения «сделки о признании вины» с обвиняемым⁴⁷.

4. «Преодоление прошлого» в бывшей Югославии: комиссии по установлению истины или международное правосудие?

Гораздо меньше споров и эмоций вызвала деятельность созданной в феврале 2002 года Комиссии по установлению истины. Однако просуществовавшая чуть более года комиссия, членов которой не раз обвиняли в личной преданности сменившему Милошевича на посту президента Сербии В.Коштунице, насколько известно, не провела ни одного расследования, не организовала ни одного слушания с участием жертв конфликта и в конечном итоге прекратила своё существование⁴⁸. Более того, в период «переходного кабинета» между свержением Милошевича и формированием правительства Джинджича, завершившегося только в январе 2001 года, шефу сербской госбезопасности Р.Марковичу удалось уничтожить 11 490 секретных документов, проливающих свет на преступления прежнего режима⁴⁹.

⁴⁵ Статистическую информацию о деятельности МТБЮ на русском языке см.: *Гришин А. С.* 20 лет Международному трибуналу по бывшей Югославии: итоги деятельности и перспективы международного правосудия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2014. № 1. С. 359—365.

⁴⁶ Подробнее см.: *Антонов А.* Указ. соч. С. 121—127.

⁴⁷ *Bachmann K., Sparrow Botero Th., Lambertz P.* Op. cit. P.341.
⁴⁸ *Hayner P.* Unspeakable Truths. Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions. New York: Routledge, 2011. P.252.

⁴⁹ *Gordy E.* Op. cit. P.88.

Фиксировались попытки создания комиссий по установлению истины и на региональном уровне. Так, в середине декабря 2003 года правительство Республики Сербской сформировало Комиссию по расследованию событий в Сребренице и её окрестностях с 10 по 19 июля 1995 года. В её состав вошли 7 членов, 5 из которых назначило правительство, а 2 — Верховный представитель ООН по Боснии и Герцеговине. Помимо юристов, специалистов в области уголовного права, в комиссию попали два историка — Ж. Вуядинович (от сербской стороны) и С. Чекич (представитель босняков), взаимный антагонизм между которыми не охладевал на всём протяжении её работы. Мандат комиссии был выдан на полгода, до 11 июня 2004 года, хотя затем с одобрения Верховного представителя был продлён до 15 октября 2004 года. Комиссия подготовила доклад, в котором поставила под сомнение официальное количество босняков (8000 человек), погибших в ходе этнической чистки, проведённой в Сребренице войсками Р.Младича. По мнению комиссии, речь могла идти не более чем о 1000 погибших в результате собственно этнической чистки, а также о неустановленном количестве убитых в результате других причин (в бою, во взаимных конфликтах, в результате самоубийств, на минных полях, при переходе через реки Дрину и Ядру и т.д.). Член комиссии С. Чекич опроверг результаты работы комиссии, выступив с альтернативным докладом, в котором называлась более близкая к официальной цифра в 7800 убитых. В конце концов, ключевой вопрос о случившемся в Сребренице летом 1995 года фактически остался открытым⁵⁰.

Взаимодействие истории и международного правосудия может идти по нескольким направлениям. Например, в ЕСПЧ, как подчёркивает А. И. Ковлер, государства могут просить Суд принять в расчёт исторический контекст для того, чтобы подчеркнуть влияние значимости истории на возможности оценивания, которые имеются у соответствующе-

щего государства⁵¹. В постановлении по делу *Станков и Объединённая организация Македонии «Илинден» против Болгарии* указывается: «Власти Болгарии подчеркнули, что информация об историческом контексте и текущей ситуации в Болгарии и на Балканах существенна для понимания данного дела» (§ 47 решения)⁵². Суд отвечает на пожелание правительства и воспроизводит в данном постановлении «краткое изложение властями Болгарии исторического контекста».

Однако в большинстве случаев именно сам суд (МТБЮ не исключение), учитывая исторический контекст дела, составляет общую картину фактов, поскольку очень часто «история» подсудимого связана с более широким контекстом. И вот здесь начинаются затруднения, поскольку не всегда понятно, почему в некоторых случаях трибунал может погружаться в глубину веков, а в некоторых — ограничиться моментальной фотографией событий недавнего прошлого.

Начиная с первого же судебного разбирательства в своей практике, МТБЮ апеллировал к истории. Так, в решении по делу *Прокурор против Тадича* говорится: «...за распад многонациональной федеративной Югославии... незамедлительно последовал распад многонациональной Боснии и Герцеговины... Как боснийские сербы, так и боснийские хорваты ясно дали понять, что они готовы скорее пойти на вооружённый конфликт, нежели примириться со статусом национального меньшинства в государстве, где доминируют мусульмане» (§ 83 решения)⁵³.

В этом же решении содержится значительный по объёму раздел II, именуемый «историческая справка и предварительно установленные факты» (§ 53—192), в котором трибунал последовательно анализирует общий исторический и географический контекст случившегося на Балканах, делает ретроспекции в историю южных славян, начиная со времен Османской империи, упоминает политику конфликтующих народов в годы Второй мировой войны, даёт оценки «Юго-

⁵⁰ Подробнее см.: Вуядинович Ж. Комиссия правительства Республики Сербской по расследованию событий в Сребренице и её окрестностях с 10 по 19 июля 1995 года (создание, мандат, ход и результаты деятельности) // Международный трибунал по бывшей Югославии: деятельность, результаты, эффективность : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 22–23 апреля 2009 года) / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Индик, 2012. С. 173–190.

⁵¹ Kowler A. La Cour devant l'histoire, l'histoire devant la Cour ou comment la Cour européenne "juge" l'histoire // La conscience des droits: mélanges en l'honneur de Jean-Paul Costa. Paris : Dalloz, 2011. P. 337–352, 338.

⁵² URL: <http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Stankov1.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

⁵³ URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/tjug/en/tad-tsj70507JT2-e.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

славии Тито» и описывает процесс её последующей дезинтеграции после смерти лидера в 1980 году. Затем трибунал переходит к анализу событий 1990-х годов, описывая роль Югославской народной армии и её трансформацию преимущественно в сербско-черногорскую по национальному составу, влияние идеи «Великой Сербии», вброшенной в массы С. Милошевичем в день битвы на Косовом поле 28 июня 1989 года, формирование «антикризисного штаба» боснийских сербов после провозглашения независимости Боснии и кратко ход боевых действий. Отдельное место в решении занимает история общины Приедор, где и были совершены инкриминируемые Тадичу военные преступления.

Более того, вся обстановка судебного разбирательства по делу Тадича словно дышала историей. Об этом свидетельствует, например, такой диалог между председательствующим на процессе судьёй Г. Макдональдом и экспертом доктором Дж. Гоу в первый же день судебных слушаний 7 мая 1996 года:

«Макдональд: Если это возможно, может быть, вы расскажете нам, от начала до конца, об изменениях в этническом составе на разных землях [Югославии. — А. Е.], начиная с XIV века? Это возможно сделать? Может быть, вы даже не поняли моего вопроса, ведь я не особо историк, хотя и интересуюсь историей... Американской историей.

Гоу: Я думаю, что цель свидетельствования... всё же осветить события 1991 года и последующих лет в военно-политическом контексте. Исходя из этого, я проанализировал некоторые факторы, которые привели к созданию независимых государств на территории Югославии, распавшейся в 1991 году, а это означает отсылки не то что к XIV, а к IV веку... дабы прояснить, почему территории, входившие в федерацию, в конечном счёте вышли из неё»⁵⁴.

К подлинным шедеврам юридико-исторической мысли можно отнести решение МТБЮ по делу *Прокурор против Драгомира Милошевича*, посвящённое осаде Сараево. Решение занимает 337 страниц и представляет собой своего рода «энциклопедию» четырёхлетней осады. В нём не только даётся общий контекст истории города, его географического

положения и роли в жизни независимой Боснии, не только скрупулёзно перечисляются трагические эпизоды осады, как, например, гибель детей от пуль сербских снайперов во время катания на санях или взрыв на рынке Маркал, но и затрагивается множество других проблем, передающих атмосферу жизни в осаждённом городе. Например, в подразделе «Эффект от снайперского огня» последовательно анализируются: а) повседневная жизнь гражданского населения; б) физическое влияние снайперского огня; в) психологическое влияние снайперского огня; г) возможность для мирного населения покинуть Сараево (§ 7 подраздела E раздела II решения)⁵⁵.

Надо сказать, что в последующем трибунал давал уже менее развёрнутые исторические характеристики. Например, в решении 2001 года по делу *Прокурор против Крстича* говорилось: «Судебная палата оставляет историкам и социальным психологам право оценивать глубину этого эпизода Балканского конфликта [речь идёт о геноциде в Сребренице. — А. Е.].... Наша же задача более скромная: выяснить, исходя из свидетельств, представленных в ходе процесса, что на самом деле происходило в течение этих девяти дней» (§ 2 решения)⁵⁶. А вот архитектура решения 2016 года по делу *Прокурор против Шешеля* вовсе не содержит в себе какой-либо исторической информации и сразу переходит к сути предъявленных В. Шешелю обвинений⁵⁷.

Почему так происходит? Видимо, в первые годы своего существования трибунал пытался выработать некий общий подход к предпосылкам и причинам возникновения Югославской войны, сформулировать (в том числе для себя) некий универсальный подход к произошедшему на Балканах в 90-х годах прошлого столетия, объяснить природу Балканского кризиса. Когда же это было сделано в первые годы его существования, то в последующем трибунал уже мог позволить себе не отвлекаться на изложение исторического контекста и непосредственно переходить к вопросу о виновности конкретных лиц. Про-

⁵⁴ Цит. по: Wilson R. A. Writing History in International Criminal Trials. P. 71.

⁵⁵ URL: http://www.icty.org/x/cases/dragomir_milosevic/tjug/en/071212.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

⁵⁶ URL: <http://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

⁵⁷ URL: <http://www.icty.org/x/cases/seselj/tjug/en/160331.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

блема только в том, что различные этнические группы отстаивали свои версии произошедшего как на макро- (кто начал войну), так и на микроуровнях.

Например, в отношении того же взрыва на рынке Маркал есть боснийская версия событий (рынок обстреляли боснийские сербы), которая, в конечном итоге, была поддержана МТБЮ, и сербская (обстрел был провокацией самих же боснийцев), которые едва ли между собой когда-либо примирятся. Особенно настораживает, что полковник А. В. Демуренко, занимавший в то время пост начальника штаба миротворческого контингента ООН в Сараево, в ходе судебного разбирательства прямо сказал, что с его точки зрения обстрел рынка был делом рук боснийцев, которые хотели спровоцировать НАТО на активные действия против войска Республики Сербской, что, в конечном итоге, и произошло (§ 703, 704 решения по делу *Прокурор против Драгомира Милошевича*)⁵⁸. Как видим, даже в МТБЮ не удаётся избежать кризиса совести в современном мире, где история часто воспринимается как набор фактов, которые каждый может выбирать и интерпретировать по-своему.

Известно, что та или иная интерпретация событий прошлого, поддержанная в судебном решении, именуется на языке профессионалов «судебной истиной» (forensic truth). Стоит ли говорить о том, что максимальное сближение «судебной истины» и «реальной истины» — это то единственное, ради чего международному правосудию стоит существовать?

Библиографическое описание:

Евсеев А. «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // *Международное правосудие*. 2017. № 4 (24). С. 122–136.

“Dealing with the past”: the difficulties of forensic truth

Oleksandr Yevsieiev

Candidate of Sciences (Ph. D.) in Law, Associate Professor; Scientific Adviser to the Justice, Ukrainian Constitutional Court, Ukraine (e-mail: uacongress@pisem.net).

Abstract

This article examines the phenomenon of “dealing with the past” in the activities of international criminal tribunals, particularly the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. The “politics of memory” is analyzed as one of the elements of transitional justice, which makes it possible to make a transition to peace. There are two main strategies that the state can follow when attempting to deal with its own past: either a policy of silence, or a policy under the motto “never again!” The ambiguity of the truth that is extracted during the course of forensic investigation is emphasized. Particular attention is paid to the psychological and socio-cultural difficulties that arise in a person or an ethnic group when interacting with a different treatment of events than that adopted in their environment. In this regard, the specificity of “memory wars” is revealed as a defensive reaction to another version of historical events. Specific examples illustrate the attitude of the tribunal to the events of the Yugoslav war of 1991 to 1995. The ambiguous role of truth commissions has been identified, which in practice may prove less effective than full-fledged criminal tribunals. The possibilities of using the “memory policy” in post-conflict areas, in particular in the example of Bosnia and Herzegovina and Ukraine, are considered. The article concludes with a question: Given that it is known that the version of past events that is supported in a court’s opinion is referred to as forensic truth, is it possible that a key purpose of the existence of international law is to achieve maximum conversion of forensic truth and actual truth?

Keywords

International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia; transitional justice; the Yugoslav war of 1991 to 1995; “memory wars”; memorial culture; war crimes.

Citation

Yevsieiev O. (2017) «Prorabotka proshlogo»: slozhnost' sudebnogo pozniyaniya [“Dealing with the past”: the difficulties of forensic truth]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 122–136. (In Russian).

References

- Antonov A. (2013) Reshenie Tribunala po byvshey Yugoslavii v dele Gotovina/Markach kak otrazhenie otdel'nykh tendentsiy razvitiya mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya [The judgment of the Tribunal for the former Yugoslavia in the Gotovina/Markach case as a reflection of selected trends in the development of international criminal justice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 121–127. (In Russian).
- Arendt H. (2014) *Otvetsvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment], Moscow: Izdate'lstvo Instituta Gaidara. (In Russian).
- Assman A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo* [A long shadow of the past], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with the memorial culture], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bachmann K., Sparrow Botero Th., Lambert P. (2013) *When Justice Meets Politics: Independence and Autonomy of Ad Hoc International Criminal Tribunals*, Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Bobrinsky N. A. (2014) *Pravovye osnovy pravosudiya perekhodnogo perioda v dokumentakh OON* [Legal basis of transitional justice in UN documents]. *Library of the criminalist*, no. 5, pp. 320–328. (In Russian).
- Bovin A. E. (1980) *Mir semidesyatykh* [The world of the seventies], Moscow: Izvestiya. (In Russian).
- Charnota A. (2015) *Pravo, pamyat' i zabvenie: regulirovanie kollektivnoy pamyati kvazisudebnymi institutami* [Law, memory and oblivion: regula-

⁵⁸ URL: http://www.icty.org/x/cases/dragomir_milosevic/tjug/en/071212.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

- tion of collective memory by quasi-judicial institutions]. In: Kondakov A. (ed.) *Obshchestvo i pravo: issledovatel'skie perspektivy* [Society and law: research perspectives], Saint Petersburg: TsNSI, pp. 187–211. (In Russian).
- Dragović-Soso J., Gordy E. (2011) Coming to Terms with the Past: Transitional Justice and Reconciliation in the Post-Yugoslav Lands. In: Djokić D., Ker-Lindsay J. (eds.) *New Perspectives on Yugoslavia: Key Issues and Controversies*, London: Routledge, pp. 193–212.
- Golovko L. (2014) L'evolution de la justice en Russie: routine des reformes ou transition eternelle? *Revue Est Europa*, numero special, no. 1, pp. 123–136.
- Gordy E. (2013) *Guilt, Responsibility, and Denial: The Past at Stake in Post-Milošević Serbia*, Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Grigoryev V. N., Antonov A. N. (2013) Reshenie Tribunalu po byvshey Yugo-slavii po delu Gotovina/Markach kak ocherednoy proval mezhdunarodnogo pravosudiya [The decision of the Tribunal for the former Yugoslavia in the Gotovina/Markach case as (regular) failure of international justice]. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 457–464. (In Russian).
- Grishin A. S. (2014) 20 let Mezhdunarodnomu tribunalu po byvshey Yugo-slavii: itogi deyatel'nosti i perspektivy mezhdunarodnogo pravosudiya [20 years to the International Tribunal for the Former Yugoslavia: results of activities and prospects for international justice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 359–365. (In Russian).
- Hayner P. (2011) *Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions*, New York, London: Routledge.
- Ishchenko N. (2016) Shokolad razdora [Chocolate of discord]. Available at: <http://www.eurointegration.com.ua/eng/articles/2016/12/19/7059079/> (accessed: 14.10.2017).
- Koen S. (2001) Voiny pamyati i komissii po primireniyu [Memorial wars and reconciliation commissions]. Available at: <http://www.index.org.ru/journal/14/koen1401.html> (accessed: 14.10.2017).
- Koenig H. (2012) *Budushchee proshlogo* [The future of the past], Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Kononov A. L. (2017) *Osoboe mnenie sud'i Kononova. Osobyie mneniya sud'i Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii 1992–2009 gg.* [Dissenting opinion of judge Kononov. Dissenting opinions of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation 1992–2009], Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russian).
- Koroteev K. (2015) Evropeiskiy Sud po pravam cheloveka i istoricheskaya pamyat' [The European Court of Human Rights and historical memory]. Available at: <http://urokiistorii.ru/node/52682> (accessed: 14.10.2017).
- Kovler A. I. (2010) Posle «Kononova» [After «Kononov»]. *Prava cheloveka. Praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka*, no. 9, pp. 6–12. (In Russian).
- Kovler A. (2011) La Cour devant l'histoire, l'histoire devant la Cour ou comment la Cour européenne «juge» l'histoire. In: *La conscience des droits: Mélanges en l'honneur de Jean-Paul Costa*, Paris: Dalloz, pp. 337–352.
- Lezina E. (2011) Istochniki izmeneniya ofitsial'noy kollektivnoy pamyati (na primere poslevoennoy FRG) [Sources of changes in official collective memory (on the example of the post-war Germany)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 3, pp. 17–37. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2011) *Besedy o russkoy kulture* [Conversations about Russian culture], Saint Petersburg: Art-St. Peterburg. (In Russian).
- Møse E. (2016) Kak sudy interpretiruyut i pishut istoriyu: iz opyta Mezhdunarodnogo ugovolnogo tribunala po Ruande [How do the courts interpret and write history: from the experience of the International Criminal Tribunal for Rwanda]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 54–61. (In Russian).
- Mostov G. (1995) Ispol'zovanie istorii i zloupotrebleniye eyu v Vostochnoy Evrope: vyzov 90-kh godov [The use of history and its abuse in Eastern Europe: the challenge of the 1990s]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeyskoe obozrenie*, no. 4, pp. 70–74. (In Russian).
- Pashin S. A. (1995) *Sudebnaya reforma i sud prisyazhnykh* [Judicial reform and jury trial], Moscow: RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation. (In Russian).
- Przhibán I. (2015) Mnogobrazie modeley perekhoda ot avtoritarizma k demokratsii [The variety of models for the transition from authoritarianism to democracy]. In: Kondakov A. (ed.) *Obshchestvo i pravo: issledovatel'skie perspektivy* [Society and law: research perspectives], Saint Petersburg: TsISR, pp. 165–186. (In Russian).
- Romanenko S. A. (1997) Istoriya i istoriki v mezhetnicheskikh konfliktakh (Yugoslaviya kotsa 80-kh – nachala 90-kh godov) [History and historians in interethnic conflicts (Yugoslavia of the late 80's – early 90's)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 54–62. (In Russian).
- Rouso H. (2003) Justice, history and memory in France: reflections on the Papon trial. In: Torpey J. (ed.) *Politics and the Past*, London: Rowman & Littlefield Publ. Inc., pp. 277–293.
- Simić O. (ed.) (2017) *An Introduction to Transitional Justice*, New York: Routledge.
- Trebst S. (2011) «Kakoy takoy kover?» Kull'tura pamyati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoy Evropy: popytka obshchego opisaniya i kategorizatsii [“What kind of carpet?” Culture of memory in the postcommunist societies of Eastern Europe: an attempt at a general description and categorization]. In: *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire and nation in the mirror of historical memory], Moscow: New publishing house, pp. 142–180. (In Russian).
- Uitz R. (2002) Ob otsutstvii opredelyonnosti v tolkovanii konstitutsii [On the lack of certainty in the interpretation of the constitution]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeyskoe obozrenie*, no. 1, pp. 26–33. (In Russian).
- Vuyadinovic J. (2012) Komissiya pravitel'stva Respubliki Srbskoy po rassledovaniyu sobytiy v Srebrenitse i ee okrestnostyakh s 10 po 19 iyulya 1995 goda (sozdanie, mandat, khod i rezul'taty deyatel'nosti) [Commission of the government of Srpska Republic to investigate the events in Srebrenica and its environs from 10 to 19 July 1995 (establishment, mandate, progress and results of activities)]. In: Guskova E. Y. (ed.) *Mezhdunarodnyy tribunal po byvshey Yugoslavii: deyatel'nost', rezul'taty, effektivnost'* [International tribunal for the former Yugoslavia: activity, results, effectiveness], Moscow: Indrik, pp. 173–190. (In Russian).
- Wilson R. A. (2005) Judging History: the Historical Record of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. *Human Rights Quarterly*, vol. 27, no. 3, pp. 908–942.
- Wilson R. A. (2011) *Writing History in International Criminal Trials*, New York: Cambridge University Press.
- Zonnenfeldt R. (2013) Ochevidets Nyurnberga [An eyewitness of Nuremberg], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).